

К.П. Патканова

Цыганы

**Несколько слов о наречиях
закавказских цыган: боша и
карачи**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
К11

К11 **К.П. Патканова**
Цыганы: Несколько слов о наречиях закавказских цыган: боша и карачи / К.
П. Патканова – М.: Книга по Требованию, 2014. – 150 с.

ISBN 978-5-458-00410-7

Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: боша и карачи

ISBN 978-5-458-00410-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Цыганы въ Европѣ.

Въ разныхъ краяхъ обширнаго Русскаго Государства ведетъ полукочевой образъ жизни народъ, части котораго разсѣянно живутъ по всѣмъ странамъ Стараго и по нѣкоторымъ Новаго свѣта. Народъ безъ религіи, безъ отечества и законовъ. Не владѣя нигдѣ во всемъ мѣрѣ клочкомъ земли, онъ вездѣ чувствуетъ себя какъ дома. Равнодушный къ богатству городовъ, къ удобствамъ и роскоши ихъ жителей, онъ проситъ одного — дозволенія жить на свободѣ съ природою вдали отъ людскихъ жилищъ, подъ убогимъ покровомъ своихъ шатровъ и шалашей, едва защищающихъ его отъ пронзительнаго холода зимы и отъ налящаго зноя лѣтомъ. Около пяти сотъ лѣтъ тому назадъ появился онъ въ Европѣ и остался въ ней навсегда. Никакія казни, никакія преслѣдованія не могли его вытѣснить оттуда. Пришелъ онъ не съ завоевательными цѣлями, но и не для того чтобъ кому либо покориться. Гдѣ бъ онъ ни появлялся, онъ вездѣ былъ и остался однимъ и тѣмъ же. Таборы его скитаются въ Сибири и въ Алжирѣ; ихъ можно встрѣтить на берегахъ Инда, какъ и на берегахъ Миссисипи. Это племя

ви́шнимъ видомъ, языкомъ и нравами на столько отличается отъ народовъ, среди которыхъ ему приходится жить, что невольно обращаетъ на себя вниманіе своими особенностями. И эти особенности главнымъ образомъ такого свойства, что породили къ нему съ одной стороны презрѣніе и ненависть населеній, съ другой — преслѣдованія и строгія мѣры властей. Рѣчь идетъ, конечно, о цыганахъ. Когда въ началѣ XV вѣка отдѣльные таборы цыганъ стали по частямъ вторгаться изъ Балканскаго полуострова въ Германію и въ другія страны Западной Европы, то ви́шнимъ своимъ видомъ и нравами произвели на европейцевъ весьма неблагоприятное впечатлѣніе. Однако снабженные грамотами императора Сигизмунда и Папы они сначала получили невозбранный доступъ во всѣ почти государства Европы.

Предводители ихъ называли себя герцогами и графами Малаго Египта. Они ѣздили въ богатыхъ костюмахъ, имѣли фантастическіе гербы, и цѣлые таборы повиновались имъ. Въ началѣ суевѣрными внушеніями и лживыми разказами они умѣли внушить населеніямъ нѣкоторое къ себѣ уваженіе. Такъ, между прочимъ, они рассказывали, что обязаны странствовать безъ покоя и отдыха, за грѣхи своихъ предковъ, которые въ Египтѣ отказались дать пріютъ Іосифу и Маріи съ Младенцемъ Іисусомъ, бѣжавшимъ отъ Ирода. Очевидно, они примѣняли къ себѣ слышанную ими уже въ Европѣ легенду о вѣчномъ жидѣ. Такихъ легендъ съ разными варіаціями они рассказывали множество и нерѣдко получали отъ мѣстныхъ владѣтелей охранныя грамоты для безпрепятственнаго странствованія по ихъ землямъ. Такимъ образомъ они въ короткое время распространились по всѣмъ безъ исключенія странамъ Западной Европы. Вскорѣ однако измѣнились отношенія къ нимъ жителей, когда послѣдніе познакомились съ тѣми способами, которыми цыгане сниски-

вали свое дневное пропитаніе. Между этими способами не послѣднее мѣсто занимали обманы, воровство, грабежъ. Населенія завопили противъ этихъ благочестивыхъ странниковъ и настойчиво обращались къ властямъ съ просьбами освободить ихъ отъ незваныхъ гостей. Большимъ несчастьемъ для цыганъ послужило и то обстоятельство, что они прибыли въ Западную Европу изъ странъ подвластныхъ туркамъ или смѣжныхъ съ ними. Разнесся слухъ, что они шпионы и соглядатаи отправленные турками. А въ то время, когда турки считались грозой христіанскаго міра, такое подозрѣніе было дѣло нешуточное. Послѣдовали повсемѣстные запреты впускать въ предѣлы государства новые таборы цыганъ, и строгія приказанія немедленно изгнать уже вторгшихся странниковъ. Въ 1580 г. приказано было бичевать до крови каждаго цыгана, неповиновавшагося закону изгнанія. Имъ вырывали ноздри и обривши бороду и волоса на головѣ, вывозили ихъ за предѣлы государства. Но было уже поздно. Самыя строгія мѣры правительствъ, жестокіе законы противъ этихъ бродягъ, суровыя наказанія при каждой встрѣчѣ — ничто не помогло. Выбравъ себѣ извѣстную область, цыганы остались въ ней жить и поселились именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застали суровыя предписанія правительствъ. И не только остались они въ избранныхъ ими мѣстахъ, но и продолжали вести тотъ образъ жизни, который навлекъ на нихъ жестокія преслѣдованія: бродяжничали, питались подаяніемъ, обманами и воровствомъ. Изгнаніе считалось въ то время самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для освобожденія страны отъ цыганъ. Въ XVI столѣтіи въ Германіи существовало нѣсколько десятковъ самостоятельныхъ государствъ. Выброшенные за предѣлы одного владѣнія, цыганы не принимались въ сосѣднемъ государствѣ, гдѣ также строго со-

блюдался законъ ихъ изгнанія. Куда было дѣваться бѣдному цыгану, если буквально на землѣ не было ему мѣста? О безвыходномъ положеніи цыганъ въ эту эпоху можно себѣ составить понятіе потому, что многіе изъ нихъ, особенно женщины, являлись самѣ къ властямъ и просили сжечь ихъ и положить тѣмъ конецъ бѣдственному ихъ существованію. И просьбы ихъ исполнялись охотно, такъ какъ законъ строго предписывалъ сжигать цыганъ возвратившихся изъ изгнанія. Одинъ цыганъ, жестоко высѣченный, былъ изгнанъ изъ предѣловъ государства съ угрозой быть повѣшеннымъ въ случаѣ возвращенія. Черезъ нѣсколько дней этотъ несчастный испыталъ ту же участь въ другомъ владѣніи, а затѣмъ и въ третьемъ. Не вынося болѣе своего положенія, онъ добровольно вернулся въ то княжество, откуда былъ изгнанъ впервые и умолялъ чтобъ привели въ исполненіе угрозу: . . . Часто даже не считали ихъ людьми, травили и убивали ихъ какъ дикихъ звѣрей, не задумываясь. При одномъ изъ небольшихъ нѣмецкихъ дворовъ во время охоты безъ всякаго стѣсненія убили выстрѣломъ одну цыганку и ребенка, котораго она кормила. (Grellmann, Hist. des Bohémiens, Paris, 1810, p. 185—186). Болѣе трехъ столѣтій свирѣпствовали противъ цыганъ драконовскіе законы. Висѣлица, топоръ, огонь и другія казни примѣнялись къ нимъ безъ особенныхъ результатовъ въ смыслѣ осуществленія правительственныхъ требованій. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія безчеловѣчныя мѣры противъ нихъ были въ полной силѣ. По распоряженію Императора Карла VI въ 1726 г. захваченные въ Моравіи взрослые цыганы должны были быть казнены висѣлицей, а мальчикамъ ниже 18 лѣтъ и взрослымъ женщинамъ приказано было въ Богеміи отрѣзывать правое, а въ Моравіи и Силезіи лѣвое ухо. Затѣмъ предписывалось выдрать ихъ розгами и препроводить

за предѣлы государства съ запрещеніемъ возвращенія и пр. Въ эдиктѣ прусскаго короля Вильгельма I въ 1725 г. сказано: цыганы обоого пола выше 18 лѣтъ, захваченные въ прусскихъ владѣніяхъ, должны быть безъ всякаго милосердія казнены на висѣлицѣ, хотя бы они передъ тѣмъ были уже наказаны розгами и клеймомъ, и могли представить узаконенные властями паспорты.

Не смотря на все это цыгане не прекращали своей бродячей жизни, обманывали поселянъ, воровали, грабили и продолжали жить обособленно, перенося невозможныя гоненія.

Гуманныя идеи, господствовавшія въ Европѣ со второй половины XVIII вѣка, не остались безъ вліянія на судьбу цыганъ. Правительства рѣшились регламентировать жизнь цыганъ согласно съ требованіями благоустроеннаго государства. Прежнія бесполезныя жестокости были оставлены. Но въ чемъ состояли мягкія и человѣколюбивыя средства, которыми короли хотѣли облагодѣтельствовать цыганъ, читатель можетъ видѣть изъ слѣдующихъ выписокъ.

Въ регламентѣ Маріи Терезіи сказано:

1) Національное имя цыганъ измѣнить въ новобанатцевъ или нововенгерцевъ.

2) Принудить цыганъ прекратить бродячій образъ жизни и жить въ постоянныхъ жилищахъ.

3) Отобратить у цыганъ дѣтей и передать ихъ на воспитаніе христіанамъ.

4) Запретить браки между цыганами. Если же цыганка пожелаетъ выдти за христіанина, то должна представить удостовѣреніе въ томъ, что она служила прилежно въ домѣ дворянина, горожанина или крестьянина и вполне освоилась съ католической вѣрой.

5) Мальчики старше 16 лѣтъ должны быть забраны въ

солдаты; моложе этого возраста отданы въ ученіе ремесленникамъ.

Эти въ 1761 г. изданныя правила въ теченіе слѣдующихъ двухъ десятилѣтій были нѣсколько разъ подтверждены и безпощадно приводимы въ исполненіе.

Регулятивы Іосифа II въ 1783 г. еще болѣе усилили вмѣшательство власти въ жизнь цыганъ. Ими между прочимъ предписывалось: Дѣтей цыганскихъ съ четырехлѣтняго возраста распредѣлить по ближайшимъ деревнямъ и подчинить ихъ надзору и попеченіямъ духовенства; за употребленіе цыганскаго языка наказывать 24 ударами палокъ; запретить браки цыганъ между собою; ограничить число кузнецовъ и музыкантовъ, не дозволять имъ торговать лошадьми и пр. и пр. Всѣ эти мѣры предназначенныя для окончательнаго истребленія цыганъ оказались однако отчасти только дѣйствительными. Нельзя при этомъ однако не признаться, что они были частью бездушно жестоки: отнятіе дѣтей, къ которымъ цыгане питаютъ сильную привязанность, запрещеніе говорить на родномъ языкѣ и вступать въ браки между собою; частью—просто бессмысленны, такъ какъ предписывали цыганамъ предаться исключительно земледѣлію, къ которому они, какъ кочевники, имѣли врожденное отвращеніе. Ихъ заставляли жить въ нарочно для нихъ выстроенныхъ домахъ: цыгане не входили даже въ эти дома, а строили рядомъ шалаши и жили въ нихъ. Дѣти принятыя въ жилищныя дома, чисто одѣтые и обутые, сначала прилежно посѣщали школы и, казалось, начинали цѣнить превосходство цивилизованной жизни, вдругъ, безъ всякой причины, оставляли всѣ эти удобства и бѣжали къ своимъ роднымъ, чтобы дѣлать съ ними всѣ невзгоды кочевой жизни, полной опасности и лишеній.

И на всѣ эти проявленія цыганской природы власти обык-

новенно не обращали никакого вниманія. Они какъ будто упрямо не замѣчали, что цыганъ изъ привязанности къ своему образу жизни стойко выноситъ страшную для него тюрьму и всевозможныя истязанія. Они думали одними полицейскими мѣрами, суровыми притѣсненіями въ короткое время обратить кочеваго цыгана въ осѣдлаго крестьянина и земледѣльца, и непремѣнно въ земледѣльца; требовали чтобъ онъ жилъ въ домѣ, а не въ шалашѣ. Не хотѣли понимать того, что для кочеваго цыгана физически невозможно сразу привыкнуть къ жизни въ *домъ*, что ему въ немъ невыносимо душно, что ему почему-то кажется; что домъ обвалится, не говоря о томъ, что онъ привыкъ къ воздуху полей и лѣсовъ, и всякій другой воздухъ, особенно городской, для него нечистъ и тяжелъ. Переходъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой дѣлается постепенно въ теченіе многихъ десятковъ, а можетъ быть, и сотни лѣтъ, а не въ одинъ день по приказанію полиціи. А между тѣмъ ихъ заставляли сдѣлаться земледѣльцами сразу. Не хотѣли знать, и даже находили вреднымъ, что цыганъ способенъ ко многимъ ручнымъ работамъ. Умѣренна наложенная на нихъ подать, взыскиваемая строго но разумно, заставила бы ихъ преодолѣть природную лѣнь и трудиться нѣсколько болѣе. Напротивъ, закономъ воспрещаясь имъ тѣ занятія, къ которымъ они выказывали наибольшую склонность: ремесло кузнеца, коновала, барышника, рѣшетника, музыканта и пр. Не постепенно, а сразу хотѣли кочеваго цыгана обратить въ гражданина благоустроеннаго государства. Послѣдствіемъ такого образа дѣйствій было то, что цыганъ послѣ четырехсотлѣтнихъ преслѣдованій и гоженій остался тѣмъ же цыганомъ, и если измѣнился нѣсколько къ лучшему, то благодаря только болѣе человѣческому съ ними обхожденію за послѣднее столѣтіе.

Нѣсколько бѣльшимъ успѣхомъ сопровождались гуманныя мѣры испанскаго короля Карла III, обнародованныя въ 1783 году. Ими запрещалось называть цыганъ *gitanos* и новокастильцами, а тѣмъ изъ цыганъ, которые отказывались отъ бродяжничества, ношенія цыганскаго костюма и употребленія въ разговорѣ цыганскаго языка, дозволялось имѣть доступъ ко всѣмъ занятіямъ и корпораціямъ.

Этимъ благоразумнымъ распоряженіямъ испанскаго короля, болѣе чѣмъ всѣмъ жестокимъ мѣрамъ, удалось въ значительной степени подорвать враждебную обществу силу *старога цыганства*. Сами цыганы понимаютъ значеніе этихъ мѣръ, сильно ослабившихъ крѣпкую связь существовавшую между ними и привязанность ихъ къ своимъ національнымъ особенностямъ. «*El Crallis ha nicobado la ligi de los Cales*», со вздохомъ говорятъ они: король уничтожилъ цыганскіе законы, т. е. ихъ обычай, ихъ силу, ихъ крѣпкую между собою связь¹⁾. И дѣйствительно, испанскіе цыганы, болѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, какъ въ обычаяхъ такъ и въ языкѣ стали сближаться съ остальнымъ населеніемъ.

Во Франціи появились цыганы также въ первой половинѣ XV столѣтія, но уже въ началѣ XVI обнародованы были строгіе указы объ изгнаніи ихъ изъ предѣловъ государства. Въ 1561 г. парламентъ въ Орлеанѣ рѣшилъ истребить ихъ огнемъ и мечомъ, и это рѣшеніе безъ всякаго послабленія было приведено въ исполненіе въ царствованіе Людовиковъ XIII и XIV. Въ дѣлѣ истребленія цыганъ населенія дѣйствовали даже усерднѣе властей. «Для защиты своихъ семействъ и своего добра, говоритъ Роша (*V. de Rochas, Les Parias de France et d'Espagne, Paris, 1876, p. 237*) крестьяне вооружились и организовали всеобщую травлю цыганъ. Не-

1) Borrow, 236.

известно, сколько въ это время было повѣшено цыганъ въ лѣсахъ, сколько отправлено на галеры, сколько дѣтей и женщинъ брошено въ подземныя тюрьмы (*dans les culs-de-basse fosse*). Цѣль была достигнута: территорія Франціи была почти очищена отъ цыганъ! Многіе однако успѣли скрыться въ Баскскихъ провинціяхъ. Въ 1802 году большая часть ихъ была схвачена облавой, посажена на суда и высажена на берега Африки, такъ что число ихъ въ странѣ Басковъ не превышаетъ въ настоящее время 700 человекъ. Не смотря на незначительное количество оставшихся во Франціи цыганъ, французскіе публицисты и теперь не находятъ словъ чтобъ выразить всю свою ненависть и отвращеніе къ нимъ. Авторъ одной статьи въ *Mémoires des Ruygées* за 1836 годъ, жалуясь на грабежи цыганъ и выставляя отчаянное положеніе крестьянъ, припоминаетъ старинный афоризмъ Басковъ: убить цыгана выстрѣломъ изъ карабина дѣло столь же законное, какъ убить волка или лисицу. Онъ же предлагаетъ, какъ спасительное средство, депортацию цыганъ *en masse*. Виконтъ *de Belzunce*, меръ города Мегарина, самый непримиримый ненавистникъ цыганъ, въ той же газетѣ за 1841 годъ пишетъ: воровство свойственно натурѣ цыгана, какъ ядъ — жабѣ... Цыганъ боится труда, какъ бѣшеная собака воды. Полное выселеніе цыганъ—единственное средство избавиться отъ нихъ, и пр. По увѣренію генеральнаго адвоката въ По, Леспинаса, въ теченіе 11 лѣтъ 1849—1860 учинено, *по всей вѣроятности* цыганами, 32 убійства, множество грабежей, поджоговъ и пр. Чтобъ убѣдиться въ истинѣ подобныхъ отзывовъ Роша (249) лично посѣтилъ убѣжища цыганъ въ Пиринеяхъ и обратившись къ мѣстнымъ властямъ за справками, узналъ отъ нихъ что цыганы не грабятъ и не воруютъ со взломомъ и даже не употребляютъ въ дѣло своихъ палокъ (*makila*),

а упражняются только въ мелкомъ воровствѣ на поляхъ и фермахъ, и что съ давнихъ поръ не совершено ими ни одного преступленія въ департаментѣ (р. 243—250).

Нравственное чувство Виконта de Belzunce сильно возмущается также развратною жизнью цыганъ (*quoi! un homme, parce qu'il est bohémien, pourra vivre en concubinage flagrant avec une fille de sa caste?*). А между тѣмъ по едипогласному увѣренію всѣхъ близко изучавшихъ цыганъ, проституція есть явленіе сравнительно рѣдкое между цыганами европы, а вѣрность супружескому долгу нѣчто весьма обыкновенное. Одинъ современный испанскій писатель такъ отзывается о гитанахъ: они понимаютъ женскую честь въ самомъ строгомъ смыслѣ христіанской морали: честь дѣвушки должна быть безупречна, вѣрность жены непоколебима, и цыганка должна быть подругой цыгана на жизнь и смерть (Rochas, 285). Цыганская мать, говоритъ Воггов (296), съ ранняго дѣтства повторяетъ своей дочери: настоящая Кали (черная т. е. цыганка) должна бояться на свѣтѣ только одного — это потери своего *лача*, въ сравненіи съ которой потеря жизни есть суцая бездѣлица. Помни это, дочь моя. А теперь поѣшь хлѣба и уходи, посмотри не можешь-ли стянуть что нибудь...

Толки о безнравственности европейскихъ цыганокъ основаны главнымъ образомъ на маломъ знакомствѣ съ ихъ нравами. Цыганки, дѣйствительно, часто весьма циничны съ чужестранцами. Ихъ съ малолѣтства дрессируютъ къ вольному обращенію съ мужчинами, приучаютъ къ тѣлодвиженіямъ вызывающимъ чувственность съ цѣлью выманить деньги, но далѣе этого ласки ихъ не заходятъ: за физическимъ цѣломудріемъ женщинъ и дѣвушекъ зорко слѣдятъ и строго наказываютъ за всякое нарушеніе. Борроу говоритъ поэтому, что нѣтъ женщинъ болѣе цѣломудрен-